

3. Эпоха зрелости и защиты завоеваний (1968-1981)

У кафедры постепенно накапливался опыт. Пошли первые выпуски, появились аспиранты-ОСиПЛовцы. Некоторые из них вливались в коллектив кафедры: из первого выпуска — Б. Ю. Городецкий, О. Ф. Кривнова (она же Крутикова), из второго — В. В. Раскин, из третьего — А. К. Поливанова.

Выход в свет первого сборника трудов кафедры (вышел он довольно быстро и без особых затруднений) открыл, и издательские планы расширялись. Возникла идея, наряду со сборниками статей, издавать *серию монографий*. Первая монография вышла в свет в 1969 году, последняя (пятнадцатая) — в 1982 году (см. Приложение 2).

В. А. Звегинцев решил также расширить поле своей издательско-просветительской деятельности¹, распространив ее на кафедру и учредив в составе «Публикаций» *серию переводов*. Силами сотрудников кафедры были переведены и изданы две работы ведущего американского лингвиста Н. Хомского: «Аспекты теории синтаксиса» (1970) и «Язык и мышление» (1972).

Итак, можно констатировать, что за десять лет своего существования ОСиПЛ сформировалось как полноценное учебно-научное подразделение, живущее интенсивной полнокровной жизнью и достигшее уже определенных вполне осязаемых успехов. Основные формы его существования и активности были определены, и, казалось бы, работать дальше должно было бы быть легче. Однако на самом деле ситуация складывалась далеко не такая безоблачная. И опять действовали объективные и субъективные факторы.

Постепенно изменялась общественно-политическая обстановка в стране. Угасало животворное дыхание «оттепели», устанавливался всеудушающий климат «застоя». На смену логики движения и торжества здравого смысла приходила логика топтания на месте и торжества демагогии. Увлеченность делом, энтузиазм и стремление к разумной деятельности становились все более подозрительными и предосудительными — это возмущало спокойствие и роняло тень на тех, кто лишь имитировал деятельность и энтузиазм. Укреплялись позиции абсурдного житейского принципа: чем более весомы твои результаты, тем хуже для тебя. В целом по стране усиливалась тенденция «притормаживания инициатив». Рос накал борьбы с инакомыслием, с теми, кто имел склонность иметь и, особенно, высказывать свое мнение по вопросам, относящимся к партийным прерогативам (а круг этих прерогатив был ничем не ограничен). Неудивительно, что удельный вес «инакомыслия» был особенно высок в среде научной интеллигенции, а внутри нее — в наиболее активно развивающихся областях (сама специфика профессиональной деятельности воспитывает самостоятельность мышления и неприятие догматизма). Поэтому в кругу гуманитариев именно структуралисты особенно отличились своей «неблагонадежностью».

Этот неблагоприятный общий фон накладывался на и без того непростые отношения кафедры с факультетом. С самого начала жизнь ее протекала довольно независимо и не укладывалась в традиционные представления о филологии. Многим специфика кафедры была совершенно чужда и непонятна, вызвала у них недоумение. Такая реакция вполне объяснима. Может быть, следовало бы вести разъяснительную работу, привлекать на свою сторону тех лингвистов, которые готовы воспринять новые задачи. Но В. А. Звегинцев придерживался другой стратегии: он предпочитал заручиться поддержкой ректора и декана в каждом конкретном деле, чем заниматься агитацией на факультете. Уверенный в своей правоте, он решительно проводил линию на независимость². Его главный тезис был: «Не мешайте нам работать».

¹ Им было выпущено за 60-е годы пять томов «Нового в лингвистике», правда, между четвертым и пятым был интервал в пять лет.

² Упрекая В. А. Звегинцева в его «неконтактности», не следует забывать, что далеко не все на факультете были благосклонны или хотя бы безразличны к объективным успехам кафедры. Здесь сказывались и личные

Кафедра ряд лет была действительно свободна в своей повседневной деятельности благодаря твердой позиции своего руководителя. Способствовало этому также то обстоятельство, что первые годы она была стопроцентно беспартийной и, следовательно, малопроницаемой для повседневного контроля партийной организации. Первый член партии на ней появился лишь в 1964 году (Л. В. Златоустова была лично приглашена В. А. Звегинцевым на кафедру из Казани, где она до того работала в Казанском государственном университете).

К концу 60-х — началу 70-х годов, когда естественные трудности роста были уже позади, когда ОСиПЛ почти достигло своего расцвета и, казалось, можно было начинать собирать плоды «трудов праведных», внешнее давление на него стало заметно усиливаться.

Первым прогремело на кафедре и факультете «дело Шихановича». Ю. А. Шиханович выполнял основную нагрузку по математике на отделении, будучи, в отличие от прочих математиков, штатным сотрудником филфака. Я не встречал за всю свою жизнь более фанатически преданного своему предмету преподавателя, чем Юрий Александрович Шиханович. Он не щадил ни своего времени, ни, тем более, времени своих студентов ради достижения педагогических результатов. Кульминацией учебного процесса были экзамены. Длились они до закрытия факультета, после чего Ю. А. Шиханович уводил своих жертв на центральный телеграф, где продолжался этот пир математической мысли. Можно было по-разному относиться к этим математическим марафонам, но невозможно было усомниться в высочайшей преданности Шихановича своему делу. За несколько недолгих лет преподавания на отделении Ю. А. Шиханович подготовил и опубликовал книгу «Введение в современную математику. М., 1965», ставшую незаменимым учебным пособием для ОСиПловцев и оставшуюся таковым по сей день. И вот этот-то преподаватель был в 1968 году уволен в одну из первых волн борьбы с «подписантами» (Ю. А. Шиханович участвовал в письме в защиту А. С. Есенина-Вольпина). Это была одна из политических репрессивных кампаний, череда которых не заставила себя ждать.

К сожалению, в тот момент кафедра была сильно ослаблена тем обстоятельством, что между двумя тезками, В. А. Звегинцевым и В. А. Успенским, возникли разногласия на почве выделяемого объема часов на преподавание математики в учебном плане³. У каждого из них были все основания считать правым себя, но плохо то, что разногласия эти переросли в открытый конфликт, сильно повредивший делу. В. А. Успенский перестал курировать математический цикл, и это сильно снижало шансы отстоять Ю. А. Шихановича, формально относящегося к коллективу филфака, но совершенно ему чуждого, несмотря на открытое сочувствие к нему со стороны многих студентов и сотрудников ОСиПЛ. Как я помню, со слов В. А. Звегинцева, ректор И. Г. Петровский лично был против увольнения Ю. А. Шихановича, но вынужден был приказ подписать, под давлением решения Ученого совета филфака.

Не получил столь громкой огласки, но находился в досье кафедры тот факт, что еще один ее сотрудник, Сандро Васильевич Кодзасов, был «подписантом». Он подписал письмо в защиту тогда еще начинающего свой путь «диссидента» Александра Гинзбурга⁴.

амбиции некоторых ведущих профессоров факультета, и принципиальные разногласия. Что греха таить, были на факультете и злопыхатели. Но надежды некоторых, что кафедра вот-вот «лопнет как мыльный пузырь», а кое-кто и вообще «попадет за решетку» (за хоздоговора), явно не сбывались.

³ Первый требовал уменьшения числа часов с целью расширения состава лингвистических дисциплин, второй против этого категорически возражал.

⁴ Против С. В. Кодзасова, работавшего научным сотрудником по хоздоговору, открытое разбирательство удалось предотвратить, но в течение многих лет, при ежегодном перезаключении договора в январе месяце, поднимался вопрос о продлении его работы, и мы с трепетом ждали возвращения В. А. Звегинцева от декана, Алексея Георгиевича Соколова, подписывавшего представление на продление работы. По этой же причине было совершенно невозможно перевести С. В. Кодзасова в постоянный штат, несмотря на его очевидные выдающиеся способности и знания.

В 1973 году кафедра «скомпрометировала» себя тем, что ее бывший сотрудник Виктор Витальевич Раскин эмигрировал в Израиль (за полгода до этого он тихо и необъяснимо для нас уволился), а некоторые из сотрудников кафедры «запятнали» себя тем, что пошли с ним проститься. Двух из них, имевших отношение к преподаванию на ОСиПЛе (А. Е. Кибрика и Б. Ю. Городецкого), от этой деятельности отстранили, и этот «хвост» неблагонадежности тянулся за ними (и за кафедрой) пятнадцать лет.

Более тихо прошел отъезд С. К. Шаумяна в 1974, так как он работал на кафедре совместителем. Но репутация кафедры как коллектива с якобы «мощным эмиграционным потенциалом» усиливалась. Этому способствовало то, что в том же году подал документы на выезд студент ОСиПЛа Александр Лубоцкий, и здесь комсомольская и партийная организация вкупе с преподавателями марксизма-ленинизма (в особенности курировавшей факультет В. И. Шишкиной) устроили настоящую чистку среди пока еще остающихся студентов, выискивая среди них сочувствующих.

Конечно, у этих кампаний была своя объективная неотвратимость, но у ответственных за ее проведение людей также имелись возможности ею управлять. Так, Леонид Григорьевич Андреев, заняв пост декана осенью 1975 года, свой первый визит в ректорат и партком специально посвятил тому, чтобы добиться отмены нелепого запрета на преподавание Городецкому и Кибрику. Значит, и в те годы что-то зависело от личной позиции каждого конкретного руководителя (разумеется, до поры до времени: тот же Андреев был без всяких обоснований смещен ректором А. А. Логуновым с поста декана).

Весь этот «компромат» и в те годы ни на что большее, чем на компромат, не тянул, но он был в арсенале недоброжелателей кафедры и лично ее заведующего. А недоброжелатели у него, и притом весьма влиятельные, были.

В 1973 году в издательстве МГУ вышла книга В. А. Звегинцева «Язык и лингвистическая теория», в которой автор мимоходом, но в довольно свободной форме высказывался о том, что он думает по поводу научных достижений некоторых своих коллег. И эти коллеги не преминули воспользоваться благоприятным моментом для нанесения ему ответного удара.

Для многих старожилов факультета памятно то обсуждение книги Звегинцева 12 декабря 1973 года в переполненной 9-й аудитории. Задумано было провести его по лучшим образцам идеологических дискуссий конца 40-х годов и квалифицировать книгу как образец вредной буржуазной, антимарксистской позиции, разоблачающей истинное политическое лицо ее автора. Для этого нужно было единодушие, и силы были стянуты немалые. Но единодушия не получилось. Во-первых, аудитория явно болела не за ту сторону, и оппонентов Звегинцева она встречала гулом неодобрения, а то и топотом. Во-вторых, и среди выступавших нашлись не только противники, но и защитники Звегинцева. Особенно сильным было выступление академика Б. А. Серебренникова. Он начал с того, что другом Звегинцева он не только не является, но наоборот, пятнадцать лет с ним не здоровался. Но после этой книги он хочет пожать ему руку. Далее все идеологические ярлыки Серебренников, признанный идеологический авторитет, отмел.

В итоге обсуждение оказалось скомканным и вообще не было понятно, кто в нем победил. Однако радоваться тоже было нечему. Начинается длительная осада Звегинцева и его детища — ОСиПЛа. В этой осаде все «хвосты» годятся. Усиленно ищутся новые. Сверхпристрастной экспертизе подвергают находящуюся в верстке в издательстве новую книгу Звегинцева «Предложение в его отношении к языку и речи». Создаются специальные комиссии, книга заново многократно рецензируется, обсуждается на кафедре и на специальном заседании Лингвистической секции Ученого совета (26.04.74), и даже после всех положительных заключений по настоянию О. С. Ахмановой ее рецензируют несколько философов на предмет обнаружения идеологических ошибок. Вся эта деятельность результатов не дала, затянув, правда, издание книги на пару лет и нанеся ее автору и ОСиПЛу значительный моральный урон. Кафедру обследуют одна комиссия за другой. Надо сказать, что далеко не все комиссии выносили отрицательные суждения о

работе кафедры — и действительно, это было не так просто сделать. Но искали не истину, а нужный материал, и назначали новую комиссию, с более подходящим составом. Особенно отличилась комиссия парткома МГУ с участием Р. Г. Котова. Как известно, практика обращения с партийными документами была продумана так, чтобы вся их неблагоприятность не всплывала наружу, поэтому решения эти циркулировали засекреченно, доводились до широкой публики, в том числе той, которой это непосредственно касалось, в форме пересказа. Жаль, что не сохранились (?) архивы парткома, интересно было бы освежить в памяти эти произведения. Но я помню, что Котов вменял кафедре в вину патриотизм ее студентов (они считают, что их отделение лучше других на факультете) и, мягко говоря, намекал, с указанием фамилий, какие из ее сотрудников по достоверным сведениям вот-вот предадут Родину в направлении Израиля. Результаты деятельности этой комиссии породили решение парткома МГУ о плачевном положении дел на ОСиПЛе, а затем — целую вереницу последующих комиссий по преодолению недостатков работы кафедры. Информированный Р. Г. Котовым, первый секретарь райкома партии Протопопов рекомендовал директору предприятия НИИ «Восход», только что заключившего с кафедрой перспективный трехлетний договор, расторгнуть его ввиду политической неблагонадежности его основных исполнителей.

Если в 60-е годы крепла и мужала кафедра, то в 70-е—80-е — ее партийная группа. Она, в целях ее усиления, была объединена с партгруппой кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания⁵. Сугубо профессиональные текущие дела кафедры решались не заведующим и компетентным преподавательским коллективом, а безликим партийно-цеховым большинством, никакого отношения к делу не имеющим, за его успех не болеющим и за результаты своих решений не отвечающим.

Ситуация, сложившаяся вокруг кафедры, в известной степени была проекцией общеполитической ситуации в стране и в академической науке, в частности. В этой связи нельзя не упомянуть о том колоссальном вреде, который был нанесен отечественной лингвистике репрессиями в отношении Игоря Александровича Мельчука. И. А. Мельчук к началу 70-х годов являлся неформальным лидером в области структурной и прикладной лингвистики. Его концепция интегральной модели языка (модель «Смысл — текст») по тому времени значительно опережала аналогичную теорию наиболее популярного западного лингвиста Н. Хомского. По железной логике того времени это означало, что именно Мельчуку должны были создаваться самые унизительные, невыносимые условия работы и существования. И именно его нужно было (в марте 1976 года) не переаттестовать в Институте языкознания АН СССР как несоответствующего занимаемой должности. Поводом для этого послужило его выступление в защиту академика А. Д. Сахарова. Уволенный из института и лишенный возможности профессиональной деятельности, он вынужден был эмигрировать (в Канаду). Более десяти лет его имя (а, следовательно, и его дело) было под запретом. (См.: Кибрик А. Е. Из истории советского языкознания 60-х-70-х годов (о наших достижениях и потерях). // А. Clas (ed.). *Le mot, les mots, les bons mots*. Montreal, 1992.)

Я остановился на этих негативных моментах достаточно подробно потому, что на их фоне протекала вся жизнь кафедры: без знания их невозможно правильно оценить, что позитивного за этот период было сделано. Итак, что же все-таки было сделано? Для краткости я пройду по основным направлениям деятельности кафедры.

Научная работа. Накопленный в 60-е годы научный потенциал приносит результаты. Хотя каждая кафедральная публикация проходит все с большим трудом и темп их издания замедляется, все же в серии сборников с 1965 по 1980 гг. вышло 9 выпусков, в серии монографий с 1969 по 1982 — пятнадцать. Кроме того, за это время В. А. Звегинцев издает несколько книг вне серий. (Между прочим, с 1982 года в

⁵ Я, не являясь ее членом, не собираюсь писать ее историю, могу только констатировать, что она являлась для кафедры как молотом, так и наковальней.

Издательстве МГУ принимается пагубное решение о прекращении издания каких-либо непериодических серий и кафедральных сборников статей.)

Большим достижением ОСиПЛа можно считать развернутую на нем научную деятельность в рамках хоздоговоров. Тематика работы была очень разнообразной. В известной мере она диктовалась интересами заказчиков, но в основном разрабатывались фундаментальные научные проблемы. Руководили договорами В. А. Звегинцев, А. Е. Кибрик, Л. В. Златоустова, Б. Ю. Городецкий. Хоздоговора позволяли также в значительной мере смягчить кадровые проблемы кафедры: на договорах одно время работало несколько десятков ее выпускников⁶.

Экспедиции. Период расцвета экспедиционного движения приходится именно на 70-е годы. Увеличивается как число экспедиций, так и число участников. Выделяется три научных направления экспедиционной работы. С 1968 по 1977 год А. И. Кузнецова проводит 10 самостоятельных экспедиций по изучению уральских языков народов Севера (коми, ненецкого, энецкого, селькупского). Эти занятия, несомненно, повлияли на интерес Кузнецовой к финно-угристике, вылившийся в конце концов в организацию особой кафедры на факультете под ее руководством. Второе направление — исследование грамматической структуры малоизученных бесписьменных и младописьменных языков, начало которому было положено с первой экспедиции. Этим направлением руководил А. Е. Кибрик. С 1967 по 1992 год было проведено 29 экспедиций, в которых подверглось изучению 22 дагестанских языка, а также шугнанский (Памир), алыторский (Камчатка), тувинский (Тува), абхазский и сванский языки (Грузия). С 1970 года выделяется и третье направление, возглавляемое Борисом Юрьевичем Городецким (с 1988 года — Татьяной Сергеевной Зевахиной): лексическая семантика и лексикография малых языков. В целом за период с 1970 по 1992 год в рамках этого направления было проведено 24 экспедиции. В некоторые годы в поле выезжает более половины всех студентов отделения. Экспедиции становятся третьим семестром в обучении. Кстати, популярность экспедиций среди студентов и их научные успехи явились во второй половине 70-х годов, в соответствии с практиковавшейся тогда на факультете логикой абсурда, причиной попыток вытеснения их из процесса обучения. Это делалось одновременно с изживанием компонента «структурная» из названия кафедры и сведением ее сути лишь к прикладной проблематике. Из престижного вида деятельности экспедиционная работа превращалась в падчерицу на отделении. С 1978 года перестала ездить А. И. Кузнецова, сократилось число студентов в других экспедициях, в 1983-1985 годах студенты вообще не принимают участия в экспедициях А. Е. Кибрика.

Олимпиады. Олимпиадное движение вплоть до 82-го года процветает. В 1972 году в серии монографий публикуется сборник двухсот олимпиадных задач, а в 1983 в издательстве «Просвещение» тиражом 180 тысяч экземпляров — сборник лингвистических задач с решениями. Во второй половине 70-х годов налаживается сотрудничество по совместному проведению олимпиад с Ленинградским и затем Киевским университетами: по единым заданиям, разработанным на ОСиПЛе, одновременно проводятся олимпиады в нескольких городах. Вынашиваются планы проведения всесоюзной олимпиады.

⁶ С сугубо официальной точки зрения выполнение кафедрой заказов со стороны должно было также считаться ее плюсом. Но парадоксальным образом в партийные решения записывается тезис о перекосе в кадровой политике кафедры, необходимости сокращения хоздоговорного штата (что и проводится успешно в жизнь при том, что за десять лет в ее бюджетный штат не взят почти никто из ее выпускников, за исключением Ирины Михайловны Кобозевой в 1975 году), о недопустимости привлечения к преподаванию хоздоговорных сотрудников (спрашивается, почему, из каких высших интересов?). Более того, начинается война с конкретными темами и запрещение их проводить на кафедре. В это время кафедра русского языка оказала поддержку (К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев, В. А. Белошапкова) и условно перевела часть договоров к себе, сохранив таким образом отдельные направления и коллективы.

Научные чтения. В 1981 году, взамен студенческих конференций, был учрежден институт чтений выпускников отделения. Это был своеобразный парад результатов работы кафедры — подготовленной ею смены.

Учебный процесс. В 70-е годы серьезным образом углубляется преподавание основных лингвистических дисциплин, расширяется круг спецкурсов и спецсеминаров, все большее влияние на интересы студентов, их специализацию оказывают лингвистические экспедиции и участие в хозяйственных работах. На ОСиПЛе ряд основных курсов начинает читать А. А. Зализняк, оказывающий на студентов чрезвычайно сильное влияние как ученый, педагог и личность, начинают преподавать сотрудники младшего поколения (А. Е. Кибрик, Б. Ю. Городецкий, О. Ф. Кривнова, А. К. Поливанова, Н. И. Лепская, И. М. Кобозева). К сожалению, начавшийся в 60-е годы процесс закрепления на кафедре наиболее перспективных выпускников отделения был практически почти полностью заморожен.

После памятного обсуждения книги Звегинцева он тяжело заболел. В августе 1974 года с ним случается инфаркт. На длительное время он выходит из строя, и его обязанности исполняет Л. В. Златоустова. После выздоровления Звегинцева травля его не прекращается. Положение усугубляется появлением раскола внутри кафедры — между ее заведующим, с одной стороны, и секретарем цеховой партоганизации (Л. В. Златоустовой), с другой. Вся кафедра в той или иной степени участвует в этом конфликте.

Неправильно было бы считать, что в сложившейся ситуации Звегинцев всегда был прав и не совершал ошибок. Они были, к сожалению, но не хотелось бы на них долго останавливаться, так как они не касались кардинальных моментов существования ОСиПЛа, хотя верно и то, что в условиях борьбы за выживание каждый неверный шаг может иметь фатальное значение. Увы, в этой затяжной борьбе вновь проявилась его человеческая слабость: не дорожить сторонниками и умножать число своих противников (так, я многократно в глаза говорил ему, что не согласен с его отношением к тогдашнему декану Л. Г. Андрееву, который, я был убежден, был нашим союзником, но которому Звегинцев фактически не давал возможности это проявить).